

The background is a dark, atmospheric illustration of a gothic building at night. The building features numerous tall, narrow, arched windows that are illuminated from within, casting a warm yellow glow. The architecture is characterized by pointed arches and a central tower with a dark, conical roof. Bare, dark tree branches are visible in the foreground and background, adding to the eerie and mysterious mood. The overall color palette is dominated by dark blues, greys, and blacks, contrasted with the warm yellow light from the windows.

Мария Фомальгаут
Нигдеревото

Мария Фомальгаут Нигдерево

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25015126

ISBN 9785448548482

Аннотация

В Таймбург я приехал на закате. Припарковал закат у ворот, я пошел по городу. Я понятия не имел, что мне делать дальше, уж слишком запутанное мне досталось дело. Для начала я решил отправиться в городскую ратушу, сам не знаю, зачем. – Где ратуша, не подскажете? – спросил я. – А вон прямо и направо, – ответили мне, – её охраняет страж. – Кто-кто? – спросил я. – Страж, – ответили мне. – Пойдите-пойдите... страж или страш? Если страж, так он охраняет ратушу, а если страш, так он страшный, я его боюсь...

Содержание

Ю Ту	5
Людная ночь	15
Джаума	18
Мировая линия	34
Пять золотых	43
Не Танькин день	50
Джибути, которого нет	70
В сумерках под фонарем	78
Нигдерево	94
Соль чуждых	98
Недоснившийся сон	113
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Нигдерево

Мария Фомальгаут

Иллюстратор Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2017

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-4848-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ю Ту

На одной стороне жаба.

А на другой заяц.

А третьей стороны нет.

Совсем.

Да вы сами подумайте, откуда у луны третья сторона?

Тух-тух-тух, тух-тух-тух...

Нефритовая ступка.

Агатový пестик в мягких лапках.

Тух-тух-тух – снег падает с неба, укрывает Синь.

Земля такая – Синь.

Была Хань.

Была Цинь.

Была Чу.

А вот – Синь.

Еще будет Вэй.

И Шу будет.

И У.

Воет ветер, завывает за зябкими стенами фанзы, – Вэ-э-э-эй, Шу-у-у-уу-у, У-у-у-у-уу!

Пророчествует ветер.

Где-то в императорском дворце старый прорицатель при-

слушивается к завыванию ветра, запоминает жуткие слова из далекого будущего.

Одинокая птица причитает в заснеженных зарослях – Хань! Цинь! Синь!

Тух-тух-тух – падает снег.

Тух-тух-тух – толчет старый знахарь целебные травы.

Нет, ступка не нефритовая.

И пестик не агатовый.

У знахаря по простому всё.

Это для Ю снадобье.

Хворает Ю, кровью кашляет.

У Ю ресницы длинные, как тени по вечерам в месяц ю, и чёрные, как ночи в месяц ю.

Ю – это месяц такой, второй по осени.

В этот месяц и родилась Ю семнадцать зим тому назад.

Знахарь поит Ю снадобьем, кланяется Ту, разводит руками, чем мог, тем помог.

Тревожно у Ту на душе, дрожит у Ту рука, когда бросает Ту в ладонь знахаря мелкие монеты. Вроде и на тигра хаживал Ту, и в реке тонул, повздорил с духом реки – и то не было так страшно, как сейчас.

Завывает ветер за тонкими стенами, зовет Ю – Ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю!

Ю вздрагивает, мечется в бреду.

Ки берет лук со стрелами.

Прикасается губами к разгоряченной щеке Ю.

– Ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю!

Это ветер за окнами.

Ки выходит в снег, в метель, в холод, куда пошел, ну куда пошел, как будто можно найти в холодном лесу в месяц цзы.

Только невидимая птица причитает в зарослях – Хань!
Цинь! Синь!

Тух-тух-тух.

Это стучит агатовый пестик в нефритовой ступке.

Гуй-хуа, гуй-хуа, гуй-хуа.

Так шелестит кричное дерево.

Это оно может.

Шелестеть.

Тух-тух-тух.

Шелестит подол платья, Ньюва шагает мимо по редким облакам.

Ю Ту кланяется Ньюве, едва не роняет пестик, смущенно поводит длинными ушами.

Ньюва смеется.

Так его зовут – Ю Ту.

Лунный заяц.

Лунный заяц.

Ту поднимает голову, отворачивается от бушующего ветра, смотрит на диск луны.

Складываются пятна в причудливый рисунок.

– Па, а там чи-во?

Маленький Ту дергает отца за полу, тычет пальцем в небо:

– А там чи-во?

– А заяц. Лунный.

И правда, вот он, сидит на луне, стучит пестиком в ступке, готовит снадобье бессмертия.

– У-у-у-у-у-у-у-у-у!

Ветер пророчит об империи У, которая будет когда-то.

Ветер, он много что знает, много что напророчит.

Тух-тух-тух.

Стучит агатовый пестик в нефритовой ступке.

Шелест платья.

Сивамну, госпожа моя.

Холеные руки берут драгоценное снадобье в ступке.

Шелест платья.

– Ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю!

Ветер зовет Ю, Ю мечется в бреду, протягивает руки к тусклому очагу, отгоняет смутные видения.

Ю Ту отрывается от снадобий, прислушивается.

– Ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю!

Ветер поет.

Ю Ту не понимает, что за Ю, откуда Ю, почему Ю.

Ветер летит к маленькой хижине, обвивает её со всех сто-

рон, завывает – Ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю!

Теперь Ю Ту и сам видит.

Ю.

У Ю ресницы длинные, как тени по вечерам в месяц ю,
и чёрные, как ночи в месяц ю.

Ю – это месяц такой, второй по осени.

В этот месяц и родилась Ю семнадцать зим тому назад.

– Хань! Цинь! Синь!

Одинокая птица пророчит в зарослях.

Ту натягивает тетиву, тут же опускает, – не разглядеть
мелкой птахи в снегу, да и толку с неё, с мелкой-то птахи...

– Цзинь!

Только непонятно, какая Цзинь, западная или восточная.

Пока ни той, ни другой нет.

Ту сжимает зубы, будь он проклят, если вернется с пусты-
ми руками, будь он проклят...

Ту поднимает голову, смотрит на диск луны, овеваемый
ветром.

Вздрагивает.

Чистая луна, будто вылизанная до блеска.

А заяц где?

А зайца нет.

– Сбежал Ю Ту.

Нюйва говорит.

– Найти Ю Ту.

Сювамну говорит.

Непорядок это, что сбежал Ю Ту, негоже сбегать Ю Ту, не должно смертным вкушать зелье бессмертия...

Волнуется трехлапая жаба, не уследила за Ю Ту.

– Ю-ю-ю-ю-ю-ю!

Ветер зовет.

– У-у-у-у-у-уу!

Пророчествует ветер об империи У.

Отсюда кажется, что земля подернута пеной, будто морская волна.

Скачет Ю Ту огромными прыжками.

Благоухают в нефритовой ступке лавр и османтус.

Скачет трехлапая жаба на поиски Ю Ту, одергивают жабу Нюйва и Сивамну, да куда ж в такую непогоду, в такую-то непогоду и себя в метели потеряешь.

Спешит Ю Ту через заросли, через холод, через снег, через метель, земля падает Ю Ту под ноги, катится Ю Ту с горы, кувырком, кувырком, кувырком – только бы добраться до одинокой хижины, где гаснет пламя в очаге, протянуть драгоценную ступку Ю.

Ю.

У Ю ресницы длинные, как тени по вечерам в месяц ю,

и чёрные, как ночи в месяц ю.

Ю – это месяц такой, второй по осени.

В этот месяц и родилась Ю семнадцать зим тому назад.

– Цин. Цин. Цин.

Невидимая птица в зарослях пророчествует о грядущих империях.

– Чу! Чу! Чу!

Филин в зарослях вспоминает империи минувшие.

– Цинь. Цинь. Цинь.

Теперь малая птаха в кустах о прошлом вспоминает.

– Шу! Шу! Шу!

А филин о грядущем пророчествует.

Хочет филин рассказать об эпохе осеней и весен, вот такая эпоха чудная была, одни осени и весны были, а лет и зим не было – но не находит слов.

И малая птаха в кустах:

– Цзин!

Тут бы не запутаться малой птахе, где Цин, где Цзин, где Цинь – вроде всё одно, а разница где в сотни лет, а где и в тысячи.

– Цин!

– Чу!

– Цинь!

– Шу!

Спорит мелкая птаха с филином.

– Шу!

Взмахивает крыльями филин, выпускает когти.

Была птаха – и нет.

Спешит Ю Ту.

Ту сжимает зубы, слышит в памяти голос свёкра – да какой из тебя охотник, в большую стену с двух шагов попасть и то не сможешь. Не бывать моей Ю замужем за тобой, помняни моё слово!

Ох и прогневаётся новоявленный свекор, если найдет хижину, где укрылись Ю и Ту...

– У-у-у-у-у-у-у-у! – пророчествует ветер.

Тень в зарослях.

Ту натягивает тетиву.

Летит стрела.

Ю Ту вспоминает что-то, что было – или не было? – века и века назад, в династию Ся, или того раньше, когда бегал он по этим лесам, грыз кору, прятался от...

От...

От кого?

Давний страх перед чем-то большим, сильным, неведомым, что приминает снег – шаг, шаг, шаг.

– Ю-ю-ю-ю-ю!

Летит стрела, зовет Ю.

– Ю!

Это Ту зовет Ю.

Входит в фанзу, отряхивает шапку, снимает ханьфу.

– Ты смотри, Ю, зайца принес!

Тишина.

– Ю?

Гаснет огонь в очаге.

– Ю!

Ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю! – надрывается ветер над лесом.

Смотрит в окно полная луна единственным глазом, чистая

луна, гладкая луна, не единого пятнышка.

Ту зовет:

– Ю!

Уже знает, что ответа не будет.

– У-у-у-у-у-у-у-у!

Ветер пророчествует об империи У.

– Ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю!

Вьюга вспоминает об осенних вечерах в месяц Ю.

– Цинь! Цинь! Цинь!

Малая птаха вспоминает о прошлом, таком далеком, что уже никто и не помнит, как это было.

– Чу!

Филин вспоминает минувшее.

Смотрит с неба отмытая до блеска луна единственным
глазом.

Людная ночь

Ночь сегодня людная.

Это не каждый раз бывает людная ночь. Это надо ждать. Караулить. Ловить. Когда посмотришь вверх, в звездное небо, на высокую землю, вон она, стоит в зените – и увидишь людей.

Вон они все, высыпали на улицы, от мала до велика. Помню, развлекались по молодости, считали, сколько людей на земле, доходили до миллион сколько-то-там, сбивались со счета, начинали снова, кто больше насчитает.

Это по молодости...

Потом появились у меня какие-то суеверия, когда человек на земле падает, можно загадать желание, и оно непременно исполнится. Только трудно подгадать, успеть, человек, он же быстро падает, вот только что шел, болтал с кем-то из сородичей, и бац, уже растянулся на земле, и другие вокруг хлопчут.

Была даже мыслишка какая-то, может, когда люди падают, они умирают, а мы тут на их смерти желания себе загадываем. Мыслишку от себя гнала, где это видано, чтобы люди умирали, не звезды же, чтобы умирать...

Смотрела на людей – в часы бессонницы, в минуты отчаяния, когда все шло крахом, смотрела на людей, чтобы видеть, есть в мире еще что-то спокойное, безмятежное, до че-

го не долетают наши всякие передрыги. Ну и конечно, во время челопада смотрела на людей, когда люди падают – один за другим, один за другим, только успевай загадывать желания. И, как правило, тут-то все желания из головы вылетают, уже ничего не помню, что хотела.

А падают люди красиво, ну вы сами знаете, видели: со вспышками огня, со всполохами пламени, с не слышным издалека грохотом. Люди бегут навстречу друг другу и падают, падают, падают, озаренные вспышками пламени.

Выискивала какие-то стекла, через которые можно смотреть на людей, и вместо маленьких точек видишь всего человека, какой он есть – голова, четыре лапки, две снизу, две сверху. Кто в эти стекла смотрел, орали – вау, круто, все видно, а мне не было круто. Раньше смотрела на людей, гадала, какие они могут быть, выдумывала каких-то немислимых чудищ. А оказалось... всего-то... пропала загадка, пропала тайна, а что за люди без тайны...

В людные ночи смотрю на людей. Сейчас по всему космосу не спят, где ж тут спать, когда люди вылезли. Говорят, они на нас влияют как-то, телепатически, что ли, или направляют на нас какие-то волны...

Не знаю.

Не спится нам. Ночь-то людная. Смотрим на людей. И где-нибудь какой-нибудь висит в небе, мечтает, вот бы свалиться на землю, к людям, вот бы посмотреть, как у них там. И вальтятся, дурачье, хоть кол им на голове теши, что никто еще

не возвращался.

Смотрю на людей. Смотреть трудно, слепит мне глаза солнце, а люди в тени. Все равно разглядываю, считаю, как в детстве, загадываю желание, если человек упал. И смотрят на меня люди в темноте ночи, тычут пальцами:

– Луна-то сегодня какая...

Джаума

Зеленоватый туман поднимается с болот, тает где-то там, там, в сумерках.

А здесь всегда сумерки. Да вы старожилов спросите, они только рукой махнут – а-а-а, всегда сумерки, по-другому и не бывает никогда...

Время здесь заблудилось, замерло между днем и ночью, между летом и зимой – вон, деревья желтые стоят, недаром говорят:

Край вечной осени.

Агнесса идет по краю болота, подмочила подол платья.

Темнеет.

Здесь всегда кажется, что темнеет.

Агнесса торопится, – нужно успеть дотемна.

А то Руфус рассердится.

Агнесса еще не знает, почему – но рассердится. Потому что... потому что...

...потому что нечего ночью по болоту шариться, вот почему.

Ухает месяц.

Восходит филин над лесом.

Они с месяцем местами поменялись, про это отдельная легенда есть.

Агнесса ступает на узкую тропинку, ведущую к дому, вот

он уже виднеется за деревьями, светятся огни на втором этаже, там дети, а на первом света не видно, там столовая и холл, а на третьем ночник, там кабинет Руфуса и спальня...

– Тетя... а тетя?

Агнесса —

– Ах!

– оборачивается.

Мальчик. Ему на вид лет десять, не больше.

Волосенки светлые.

– Тетя... а я заблудился...

Агнесса вздрагивает, протягивает руку в туман:

– Пойдем... пойдем скорее...

– Тетя... а я бо-ю-у-у-усть...

Агнесса спохватывается, болото все-таки, болото...

...если вы оказались на твердой поверхности, будьте осторожны – буквально в шаге от вас может начинаться трясина...

– Стой! Стой на месте... сейчас... подойду к тебе...

Агнесса нащупывает землю под ногами, вроде твердая земля, идти можно, можно, только осторожно...

Шаг.

Шаг.

Еще шаг.

Надо бы Руфуса позвать, да что Руфуса, еще из-за этого

Руфуса тревожить...

Мальчик хватает руку Агнессы.

– А у вас кулон как у мамы такой был... а она его потеряла, потом снова нашла...

...когда жителям приказали покинуть свои дома, многие жители отказались повиноваться.

– Ну как я уеду, ну куда я уезжать должен, этот дом мне в наследство достался еще от... от... – Руфус путается, теряется, не помнит, – а они мне – уезжать!

– А я сегодня Агнессу видел.

Это Руфус говорит.

И все молчат.

Руфи молчит, в айфон смотрит.

Агни молчит.

Вроде и надо сказать Руфусу, что нет больше никакой Агнессы, Руфус сам её вчера нашел на болоте с прокушенным горлом – а никто не говорит.

Руфус повторяет:

– Видел... в окне.

В лесу ухает месяц.

Филин восходит над лесом.

Они с месяцем поменялись.

Про это отдельная легенда есть.

Руфи торопится домой, еще бы не торопиться, загулялся, заигрался, сам не заметил, как сгустились сумерки.

Сумерки тут, они всегда сумерки, только к ночи сгущаются сильно.

Ну да ничего.

Руфи домой успеет.

Дядя с тетей ругать не будут.

Вон уже дом виден за деревьями, вон окно наверху горит, там у дяди кабинет, там чучело филина есть, и чучело месяца, и чучело земли есть, глобус называется.

Руфи спешит.

– Руфи! Руфи!

Руфи оборачивается.

Тетя стоит.

Тетю он знает.

Хорошо знает.

– Руфи, ну сколько тебя просить можно!

Тетя показывает на полные сумки. Руфи спохватывается, обещал же помочь, обещал, заигрался, задумался...

А... шас, шас...

Руфи бежит, хватает здоровенный баул, тетя подхватывает руку Руфи, вот так, давай потихоньку...

Больше всего жители деревни недовольны, что власти так и не сдержали своё обещание и не перенесли с заболоченных территорий могилы старожилов. Теперь болото полно-

стью поглотило кладбище.

– А Руфи где?

Это Агни спрашивает. И правда, Агнесса на стол собрала, все сидят, а Руфи нет.

Все молчат. Агнесса молчит и Руфус молчит.

– А Руфи?

Это снова Агни. Уже громче.

Руфус кивает:

– А он... его родители забрали.

– К-как забрали?

– С-сегодня... у них там что-то...

Агнесса подхватывает:

– А там папа у Руфи путевку куда-то купил в Пуэрто-Рико...

– А со мной не попрощался?

– Ну, они быстро уехали... он тебе писать обещал...

Агни смотрит в тарелку.

Руфус смотрит в тарелку.

Главное, не сболтнуть, что Руфи нашли сегодня вечером, горло прокушено...

...Это был последний раз, когда я видела Руфи: вечером мне сказали, что он уехал. Но уже тогда я поняла, что это ложь, но что случилось на самом деле – я не знаю до сих пор...

Сегодня первое июня. Мама сказала, что я поеду к дяде и тете. Я сказала, что не хочу ехать, а мама сказала, что слышать ничего не желает. Мы ехали в электричке. Потом на вокзале нас встретили дядя и тетя. Тетя была красивая. А дядя много улыбался и шутил. Мы сели в дядитетину машину и поехали в их дом. У дяди и тети оказался большой дом. Там три этажа. В лесу ухает месяц. А по вечерам восходит филин. Там есть мальчик. Его зовут Руфи. Он сказал, что в лесу водятся вампиры. А я сказала, что он врет. Мы даже поссорились. А дядя сказал, что если мы будем ссориться, он отведет нас в лес и там оставит. А я думаю, что дядя шутит. Потому что он вообще много шутит...

Агнесса кусает губы, хочется кричать и топтать ногами, но – нельзя, нельзя, нельзя, зачем она позволила Руфусу привезти себя сюда, зачем, зачем, зачем, говорила мать – он тебе не пара, не пара, не пара, говорил отец – смеешься, душа моя, и слышать о нем ничего не желаю, а тетка говорила – все сестры как сестры, и мужей себе выбрали как на подбор, а ты, и дядька говорил... а нету у Агнессы дядьки, так что ничего он не говорил...

...приехали вечером, как приехали, так сразу же растопили в доме камин, потом с вещами носились туда-сюда, вроде и немного вещей, а поди ж ты разместить их в маленькой комнатушке, и шляпку куда-то нужно пристроить, и туфли,

сколько их у Агнессы, много их у Агнессы, и еще шарфики развесить, а шляпки, шляпки-то куда, вот так, Руфус даже не позаботился, куда Агнессе шляпки девать...

...Агнессе хочется кричать и топтать ногами, ну да, про это Агнесса уже говорила, а ведь обещал Руфус, что здесь тихо, как в раю, и вообще деревенька – райский уголок, а здесь ни деревеньки тебе, ни уголка, и вообще не пойми, что, не ночь, не день, не лето, не зима, что-то среднее-среднее, между-между, тает в тумане то, что осталось от леса, тает в пучине то, что осталось от деревеньки, чьи-то судьбы, чьи-то воспоминания, а Агнессе обещали, да мало ли что Агнессе обещали, уже не сбудется ничего, не сбудется, и назад уже ничего не вернешь, не скажешь – я домой поехала, уже не скажешь...

А это Руфи.

Агнесса смотрит на Руфи, не понимает, откуда Руфи, почему Руфи, зачем Руфи. Ну да ладно, Руфи и Руфи, веснушки во все лицо, вихры торчат, надо бы подстричь, да ладно, это не Агнессины проблемы, где там Руфи вихры подстричь надо.

А это Агни.

Агнесса смотрит на Агни, Агнесса в детстве тоже такие лосины хотела, а...

– Только через мой труп!

Это мама.

– Только через мой труп!

Это тетя.

– Только через мой труп.

Это дя...

...а нет, дяди у Агнессы не было, дядя ничего не сказал.

А мама с тетей про лосины сказали:

– Только через мой труп!

...и не было у Агнессы таких лосин. Агнесса тогда еще мечтала, вот вырастет, вот купит себе все-все, что захочет, да что, что захочет, можно подумать, сейчас Агнесса будет себе лосины покупать с неоновыми звездочками...

...сели чай пить.

Чай хороший, а Агнесса все ждала, что будет чай с привкусом мертвых болот.

Взошел филин.

В лесу ухнет месяц.

– Вам съехать надо.

Руфус ничего не понимает, как съехать, куда съехать, зачем съехать, жил себе Руфус и жил себе, дом здесь у Руфуса, хороший дом, добротный дом, достался в наследство от... м-м-м, не помнит Руфус, от кого, но достался.

Хороший дом.

Три этажа.

И нате вам:

– Вам съехать надо.

Люди в форме.

Ордера.

Постановления.

– Вам компенсацию выплатят.

Руфус презрительно фыркает. Люди в форме начинают рассказывать про размеры компенсации, а вот за пять километров отсюда новый поселок строят, вам как раз на дом хватит...

А я не поеду.

Это Руфус.

Люди бормочут что-то про постановление.

Никуда не поеду.

Это снова Руфус.

Вот такой Руфус.

– ...а там вампиры водятся... чего, не веришь?

Это Руфи.

– Да ну, врешь!

Это Агни.

– А айда ночью посмотрим...

– Да ну тебя!

– Боишься?

– Да не боюсь я, врешь ты всё!

– Аг-га-а-а, стру-у-усила!

Руфи спешит домой, забегался, заигрался, вот так, теперь дядя с тетей ругаться будут, так-то они не ругаются, а теперь

будут.

Вон уже дом виден за деревьями, вон окно наверху горит, там у дяди кабинет, там чучело филина есть, и чучело месяца, и чучело земли есть, глобус называется.

Руфи спешит.

– Руфи! Руфи!

Руфи оборачивается.

Тетя стоит.

Тетю он знает.

Хорошо знает.

– Руфи, ну сколько тебя просить можно!

– ...а где Руфи?

Это Агни.

Еще совсем недавно в этих краях путешественников встречала живописная деревня – но уже сейчас мы видим только темное болото ядовитых отходов...

Вечером вернулась Агнесса. Вернулась как ни в чем не бывало, бросила сумку у входа, чмокнула Руфуса в щеку, Агни помахала, ну, привет.

И к плите.

Сегодня рыбные котлеты будут.

И Руфус не понимает, как Агнесса, почему Агнесса, месяц назад Агнессу похоронили, в сырой земле Агнесса ле-

жит...

– А ты же...

– Что такое?

– А ты же...

Руфус хочет сказать —

– А ты же умерла...

Не говорит.

И то правда, как умерла, почему умерла, вот же она, живая.

– А ты же...

Смотрит Руфус, а у Агнессы на губах кровь.

– А, ну да, – Агнесса смеется, вытирает губы салфеткой.

В лесу ухаает месяц.

Филин светится в темноте ночи.

Сели ужинать.

– А где Руфи?

Это Руфус. Смотрит, все на месте, а Руфи нет.

Агнесса смотрит на темное болото там, за окнами.

– Заигрался... пойдём... поищем...

Вечером вернулся Руфи.

Вбежал в прихожую, запыхался, уже в холле спохватился, что ботинки не снял, а сколько раз ему говорили, чтобы грязь в дом не тащил, всё бесполезно. Кинулся назад, разулся, кинулся грязь за собой вытирать, еще больше грязь развел...

И Руфус смотрит.

И Агни смотрит.

И Руфи скороговоркой – а-извините-пожалуйста-а-я-больше-так-не-буду-а-можно-зайти-и-все-такое...

– Руфи, а ты же...

– А-а-а, а щас, уберу...

– Руфи...

– А я больше так не буду...

И надо бы сказать, что Руфи умер, месяц назад похоронили – и что тут скажешь...

– Руфи, – Руфус не выдерживает, – иди... умойся...

– Ага, ага, щас... а я больше так не буду...

В лесу ухает месяц. Один месяц, другой месяц, вон их целая стая...

Филин взошел.

Сели ужинать.

– А где Агнесса?

Оглядываются, и правда что – Агнессы нет.

– В магазин пошла... – Руфус хмурится, – э-э-э... надо бы встретить... пойдете... посмотрим...

Агни не понимает, в какой магазин, почему в магазин, откуда здесь вообще магазин, нет здесь никаких магазинов, вообще ничего нет, здесь и деревни-то толком нет, деревня вся там, в болоте утонула, только крыша церквушки торчит...

Уже тогда я начала понимать, что маленькая деревенька вовсе не то, что кажется. Я не понимала, откуда берутся про-

дукты в нашем холодильнике – ведь на много миль в округе не было ни одного магазина, а Руфус никогда не вывозил из гаража свой Форд...

Агнесса отстраняется от Руфуса, сладко потягивается на постели, обнаженная в свете филина.

Спрашивает то, что хотела спросить уже давно:

– А мальчик с девочкой... они тебе кто?

Руфус вздрагивает:

– В смысле?

– Ну.... Племянники они тебе? Или брат с сестрой? Или...

Агнесса замирает в страхе. Только бы сейчас не оказалось, что у Руфуса дети есть, это вот Руфи от первого брака, это вот Агни от второго, а от третьего... а пусть Агнесса не беспокоится, от третьего брака дети уже взрослые, в институте учатся, по воскресеньям приезжают...

– Э-э-э... а я думал, они с тобой.

Гром среди ясного неба.

Агнесса не понимает, как с ней, почему с ней, не было с ней никакого мальчика, и девочки никакой тоже не было, и вообще...

– Э-э-э... а нет...

И теперь уже Руфус на Агнессу смотрит, ничего понять не может, как, почему, зачем...

...к сожалению, у поселка нет будущего – будущее у поселка отобрали в тот момент, когда возле Джаумы началось строительство комбината...

Ученые обеспокоены тем, что выбросы с предприятия могут серьезно повлиять не только на экологию местности, но и вызвать нарушения в физических законах...

...предприятие по производству...

– ...по производству чего? – Руфус сжимает в руках обрывок газеты, – что они там делают, чёрт возьми?

– Да ничего не делают, фабрика-то не работает уже...

Это Агнесса.

– Не работает? Не работать-то она не работает, только отходы с неё текут и текут!

Сели ужинать.

У них на ужин курица жареная.

И картоха вот такими кусками.

И шоколад.

Откуда у них шоколад, если в деревне ни одного магазина нет, да и деревни никакой нет, и вообще...

А вот.

Шоколад.

Руфус ест.

И Руфи ест.

У Руфуса волосы рыжие и веснушки на лице.

У Руфи волосы рыжие и веснушки.

Агнесса ест.

И Анги.

У Агнессы черные кудри.

И у Агни черные кудри.

Вот так.

Болото молчит.

Болото думает.

Время вязнет в болоте, закручивается само на себя, изгибается причудливыми лентами.

Время...

– А не могло так быть... чтобы сначала вы меня спасли...
потом я вас...

Это Руфи.

Агнесса пожимает плечами.

– Болоту виднее.

Старик.

Агнесса не понимает, что за старик, откуда старик, почему старик, зачем старик.

А вот – старик.

И Руфус тоже не понимает, что за старик, откуда старик,

почему старик, зачем старик.

А вот – старик.

Идет, опирается на тяжелую палку, смотрит подслеповатыми глазами на дом...

...стоп-стоп, а что это у нас с домом, не было такого с домом, нормальный был дом, а теперь огни в доме погасли, и дом стоит истлевший, полуразрушенный...

И старик к дому подходит.

Руфус кивает старику.

И старик кивает Руфусу.

Говорит:

– Я здесь жил когда-то... пока болото не подступило...

У Руфуса веснушки.

И у старика веснушки.

Подходят, пожимают руки. Осторожно.

Смотрят на болото, что-то оно еще замыслило...

Болото думает.

...засекреченное производство доставило немало хлопот местным жителям...

Мировая линия

А раньше тут были другие идолы.

Раньше.

Пытаюсь представить это – раньше – ничего не представляется толком. Вспоминается что-то из самого-самого детства, шаман выкладывает веточки:

– Это вот день.

– Это вот год.

– Это вот век.

А сколько будет – три миллиона лет – про то шаман не сказал.

Смотрю на идолов.

Раньше они были другие.

Раньше.

Шаг-шаг-шаг-шаг – подхожу к идолу, не знаю, как молиться, ничего не знаю, не показали.

Астрин подходит (шаг-шаг-шаг-шаг), касается идола. Раз. Другой. Третий. Отдает идолу маленький круглый талисман.

Идол оживает, из недр идола выпадает еда.

Астрин сам не ест. Дает мне.

Кланяюсь.

Осторожно прошу у Астрина пару-тройку талисманов.

Он говорит:

– Нет.

Киваю. Мало ли, может, Астрин талисманы свои в тяжелом бою добыл, а я клянчу.

– Да дай ты ему, пусть учится!

Это Беляков. Он добрый.

Астрин морщится, кладет мне в ладонь два талисмана.

Рассматриваю диковинную птицу на медном круге.

Раньше талисманы были другие.

Раньше.

Шаман так и не показал, сколько это – три миллиона.

Трава была раньше тоже другая. А теперь камень. Много белого камня вокруг.

– Мировая линия...

Это Астрин говорит.

Смотрю на блеклую ленту реки. Именно так ее и называли раньше:

– Мировая линия.

Нет, Астрин про что-то другое говорит. Смотрит на свои бумаги:

– Мировая линия.

Беляков наклоняется:

– А что с ней не так?

– А вот смотрите...

Мировая линия показывает движение тела в пространстве-времени...

Разные они бывают, мировые линии.

Всякие бывают.

Вот, например, мировая линия солнца. В спираль закручивается.

А вот, например, мировая линия белого журавля. Зигзагами-зигзагами. Зимой на юг улетает, летом к северу тянется.

А вот мировая линия кочевников. На них зима надвигалась, они к югу шли.

Сильная зима.

Лютая.

На долгие годы – зима.

Ну, разные, конечно, мировые линии. Есть линии, которые на севере начинаются, на юге заканчиваются – человек до теплых земель дошел. Есть линии, которые на полпути обрываются – не дошел человек до земли обетованной. Есть линии, которые как на холодной земле были, так там и остались – не захотел человек оставлять землю родную, могилы предков – вот и остался, ну и мировая линия скорехонько оборвалась...

А вот на эту мировую линию посмотрите.

Вот. Начинается на юге и заканчивается на юге.

– Начинается на юге и заканчивается на юге.

Это Астрин говорит.

– Ну а что такого? Родился человек на ю...

Это Беляков.

– ...да как вы не понимаете, в те времена там людей не существовало!

– Хотите сказать...

– ...он свою мировую линию передвинул.

– В смысле... передвинул?

– В прямом. Взял и передвинул.

– Но это...

– ...хотите сказать – невозможно? Вот я тоже так думал...

...в пятый день седьмой луны родился сын Арты и Ксама, Амаем именуемый...

– Видите? Вот эта запись на севере найдена... где раньше их поселение было...

– Так...

– ...а это вот я на юге нашел...

...в пятый день седьмой луны родился сын Арты и Ксама, Амаем именуемый...

– Такая же?

– Да не такая же, а та же самая, понимаете? Спектральный анализ...

...я родился на севере.

Раньше.

И еще на юге.

Тоже раньше.

Река тоже раньше не так текла.

Вон русло старое.

А вон русло новое.

– Как это у тебя получилось? Как?

Это Астрин.

Я киваю на идола:

– Научился я поклоняться ему... он мне хлеба дал...

– Да я ты не про то спрашиваю! Ты мне скажи... ты как родился-то?

Пожимаю плечами:

– Как же я вспомню...

– Да нет... ты как мировую линию-то свою?

– Какую свою, она одна мировая линия... на всех...

– Слушай, ты мне тут дурака-то не валяй, я тебя серьезно спрашиваю! Как ты... с линией-то?

Пожимаю плечами.

– Как все...

– Ладно... поговорили...

А вот река течет.

Какая река?

Да любая.

Вот что-то случилось, русло реки поменялось.

Почему?

Да мало ли.

Всякое бывает.

Было русло здесь, теперь там.

А старое русло что? – осталось.

Заросло, высохло, но – осталось.

Вот и мировая линия так же.

Бывает, человек линию свою мировую поменяет...

...ну как поменяет? Два-три человека за всю историю такие были...

...а старый след от линии останется, куда ему деваться-то.

А кто из ученых поумнее, тот на карте эту старую линию и увидит, русло высохшее.

И поймет, что не простой перед ним человек...

– Этого на взлом.

Беляков смотрит на Астрина, не понимает:

– Э-э-э... память взломать, что ли?

– Ну а то.

– Слушайте, что-то вы как-то... человека губить...

– Что мы как-то, надо узнать, как оно у него получилось?

Надо. Вот то-то же...

– Пойдем.

Это Астрин.

– А где птицы о двух головах водятся?

Это я.

– Какие птицы о...

– А вот, на берегу.

– А-а-а, пошли-пошли, покажу...

– Пошли-пошли.

Уже знаю, что он мне ничего не покажет.

Уже знаю.

Я-то линию жизни свою вижу...

– Садись... покажу...

Осторожно спрашиваю:

– Скажите... а вот я вашу мировую линию смотрел...

Астрин покрывается красными пятнами.

– А... к-кто вас к моей линии пустил?

– А я сам себя пустил... а вот я смотрел... а у вас там смотрите... линия ваша идет...

Раскрываю карту с мировой линией Астрина, не побоялся я, помолился идолу в комнате Астрина, перерисовал мне идол карту.

– А вот мировая линия повозки, которая сама едет... и вот пересекаются... год назад...

Астрин кивает:

– Ага, мне тогда ногу вообще по кускам собирали, думал, ходить не смогу... ничего, обошлось, только когда весь день

на ногах, болеть начина...

– ...а линия ваша мировая там и обрывается.

Астрин покрывается красными пятнами. Снова.

– Ты...

– ...а я идолу помолился, который весточки посылает, а он мою весточку в полицию переслал, а там сказали...

– Ты... ты зачем это сделал?

– А там тоже хотят знать, а как вы это делаете...

– Чер-р-рт...

– А то давайте сбежим, пока нас не нашли.

– Куда? Раз такой умный, может, скажешь, куда бежать-то?

– А я знаю... пойдете...

– Мировые линии видишь?

– Немножко...

Садимся в повозку, я уже знаю, что надо нацепить ремень, повозка-то дикая, как поскачет, мало не покажется...

А раньше повозки с лошадьми были.

Раньше...

Пробую на вкус слово, такое непривычное, – рань-ше...

Шаман показывает палочки:

– Это миг.

– Это день.

– Это год.

– Это век.

А три миллиона лет шаман не показал.

Не знаю, как будет.

Повозка несется в сумерки.

– А вы мне птицу о двух головах покажете?

– Э-э-э... да они же пугливые, они же где только не летают... их караулить надо... ничего... углядим... увидим...

Раньше таких птиц не было, думаю про себя.

Раньше...

Раньше...

ПЯТЬ ЗОЛОТЫХ

– Пять золотых.

Это хозяин. А зовут хозяина...

...а Витольд не знает, как хозяина зовут.

А Витольда зовут Витольд.

Витольд бросает на стол пять монет, хозяин шипит, да ш-што такое, одна серебряная. Витольд хлопочет, звиняйте, звиняйте, счас, счас, всё будет...

Падает на стол золотая монета.

Качается вывеска на ветру.

Это гостиница.

...таймбургские гостиницы отличаются особенным домашним уютом и располагающей атмосферой...

...до сих пор не могу поверить, что Иветты больше нет. Так просто не может быть, чтобы Иветты больше не было, быть не может такого мира, где нет Иветты...

Витольд закрывает дневник.

Вечерет.

Зажигаются огни на улице. Улочка маленькая, тихонькая, в стороне от оживленных проспектов.

Витольд на втором этаже, комнатка у него над вывеской.

А на третий этаж нельзя.

Там постояльцы.

Танцы.

Смех.

Бокалы звенят.

Витольд видит пятна света на мостовой, тени в окнах.

Десять золотых.

Это за комнаты наверху.

Витольд слышит, как звенят монеты. Кто-то расплачивается с хозяином.

Витольд опускается на колени перед иконой, вспоминает какие-то молитвы.

...в отчаянии прошу, чтобы Агнесса вернулась, ну что Ему стоит, ну пусть один-единственный раз кто-то вернется оттуда...

Чуть слышная музыка там, наверху.

Отблески окон на мостовой.

Силуэты.

Витольд вздрагивает, – третий справа силуэт кажется знакомым, тот же изгиб плеча, тот же локон, небрежно отброшенный на лоб...

...нет.

Этого быть не может.

Потому что.

«...и да будет тело предано земле...»

– Сюда нельзя.

Это хозяин. Замешкался Витольд, чуть не шагнул на третий этаж.

– Да я...

– Нет-нет, нельзя.

Хмурится Витольд, вот так, подумал хозяин, что Витольд прямо жить не может, рвется со всеми постояльцами пере-знакомиться...

Моросит мелкий дождичек, переходит в снег, первый в этом году.

Зажигаются фонари.

– Да вы бы хоть развеялись, с жильцами познакомились...

Это хозяин.

...вон, вдова с дочкой комнату снимает, дочка у неё загляденье просто...

И показывает на комнаты внизу. И правда, вдова с дочкой сидят, ужинают, дочка красавица, на Витольда поглядывает.

– А...

Витольд смотрит вверх.

– Нет-нет, туда нельзя.

...в который раз молю, чтобы вернулась Иветта...

– ...согласно легенде в этом здании однажды снимал комнату странный постоялец, который не разрешал к нему заходить. И вот в один прекрасный вечер хозяин осторожно заглянул в комнаты наверху – и каково же было его изумление, когда он увидел свадьбу... догадайтесь, чью? Изумленный хозяин не поверил своим глазам...

Это гид рассказывает туристам. Гид по-диковинному одет, и туристы тоже. Ну, у них в будущем так одеваются.

Музыканты на улице спрашивают у туристов, из какого те века прибыли.

Туристы кивают – двадцать первый.

Музыканты наигрывают что-то заковыристое, не пойми чего, ну там в двадцать первом веке так принято.

Витольд слушает речь гида.

Не верит себе.

– Сейчас-то у нас туристов мало, а вот как сезон пойдет...

Это хозяин.

Откусывает от здоровенной кабаньей ножищи, довольно крикает.

Витольд осторожно спрашивает:

– А другие постояльцы наверху бывают?

– Да откуда им быть, дом-то проклят...

– ...Иветта?

Нет никакой Иветты, привиделось что-то, пригрезилось, померещилось...

Витольд просыпается.

Смотрит на полосы света на мостовой, на темные силуэты с извилистыми рогами...

Спешно одевается.

Идет вверх по скрипучим ступеням.

Стучит в дверь.

Утро.

Лавочки открывают двери.

Витольд сонно протирает глаза, отчаянно вспоминает – был договор или не было. Нет, всё-таки был, вон, и печать на руке...

– Ну, сколько можно спать, так и всю жизнь проспичь...

Иветта?

Иветта чай заваривает, завтрак готовит.

– Ты же...

– Что я же? Уж не ты ли обещал весь мир к ногам моим положить, а теперь и завтрак сообразить лень:

Витольд молчит.

Украдкой потирает печать.

Наверху тихо, непривычно тихо.

Витольд догадывается:

– Съехали?

– Ага, свадьбу отыграли и всё...

– Десять золотых.

Это хозяин за стенкой. И тут же добавляет:

– Для вас бесплатно.

Звенят монеты, хозяин бормочет что-то, да что вы, да не надо...

Двери наверху открыты.

Витольд смотрит на постояльцев, он их по-другому представлял, с нимбами, а у этих нимбов нет...

Постояльцы Витольда приглашают с ними позавтракать.

Витольд делает шаг – печать больно обжигает руку.

Печать...

– Ты чего такой?

Это Иветта.

– Какой – такой?

Это Витольд.

– Ну, такой...

– Да не... ничего...

Украдкой потирает печать.

– А чего ты на свадьбу не пришел?

Витольд вздрагивает:

– Н-на к-какую свадьбу?

– На мою, на какую... ничего себе, внизу под нами жил, даже на свадьбу не зашел...

Витольд спотыкается о пустоту.

Трогает печать на руке.

Молчит.

Не Танькин день

Скоро будем!

Я это скоро будем читаю уже который раз подряд.

Снова набираю буквы:

КОГДА?

Скоро-скоро.

Это Анька.

И Санька.

И Танька.

Подлетаем.

Это опять Анька.

И Санька.

И Танька.

У Таньки нос пуговкой. У Саньки веснушки.

Анька когда смеется, у меня душа замирает.

Ставлю чайник.

Жду.

Скоро будем.

Это Анька.

И Санька.

И Танька.

Анька...

Согласны ли вы взять в жены...

Помню, хотел тогда что-нибудь сострить, на ум так ничего

и не пришло, что ответил, уже не помню.

ПОДЛЕТАЕМ

Жду.

Вечереет.

Набираю номер.

Абонент, вызываемый вами, находится вне зоны...

Это что-то новенькое...

Звонок.

Номер незнакомый.

Алло.

– У нас для вас плохие новости...

...нет, кажется, они что-то другое тогда сказали.

Уже не помню, что.

Икра.

Раньше я её только на картинках видел.

Орхидеи.

Их я тоже видел только на картинках.

«УГОЩАЙТЕСЬ»

Буквы на экране.

Подцепляю ложкой икру, ем.

Орхидеи не ем, нет.

У него вообще тут красиво.

У Кристалла.

Так и пишется – Кристал, на экране одно Л.

Ударение на первом слоге.

«На кону пятьдесят тысяч».

Это Кристал.

Интересует?

Это снова Кристал.

В ответ набираю на экране:

Заинтересован.

Кристал.

Я никогда не видел его лица.

Никогда.

– Вы составляли подробную карту звездного неба.

– Было дело.

– С подробным расположением всех звезд, планет...

– Интересуетесь картой?

– Не совсем. Можете немножко её... подкорректировать?

– Я составил максимально точную карту, и не вижу надобности что-то улучшать, если только не обнаружится что-то новое...

– Ну, в конце концов, никто не будет проверять, если вы добавите что-то новое...

– Вы хотите, чтобы я изменил карту звездного неба?

– Вы прекрасно меня поняли.

– Что именно я должен изменить?

– Вы можете добавить мощный источник гравитации в район гаммы Лебеда?

– А точные координаты можно?

– Без проблем.

Район гаммы Лебеда...

Накатываются воспоминания откуда-то из ниоткуда, тут же разбиваются о реальность.

Кристал.

Ударение на первом слоге.

Кристал.

Сто двенадцатый этаж. Просторный холл с орхидеями.

Черная икра.

Кристал.

Строчки на экране.

Я никогда не видел его лица.

Иногда спрашиваю себя – есть ли у него вообще лицо.

Спрашиваю только себя, – мне не велено задвать вопросы.

«Моя машина отвезет вас».

...на водительском сидении пусто.

...универсальная система автопилота позволяет автомобилю ориентироваться в мегаполисе...

...на ваш счет перечислено 50 000 у-е...

Вспоминаю.
Гамма Лебеда.

...вопиющий случай в районе Гаммы Лебеда.
...авария, повлекшая за собой гибель...
...обвиняется Тампер...

Более пятисот человек, в том числе семьдесят восемь детей больше никогда не вернутся домой. Мы публикуем список погибших...

Хлопаю себя по лбу, спохватываюсь, они же сейчас прилетят, вот сейчас, с минуты на минуту, а у меня дома как на том свете, не убрано ничего, и в холодильнике хоть шаром покати, собирался цветы купить, хрен я успею цветы купить, в спешке начинаю наводить порядок...
...спохватываюсь.

Набатов в голову ударяют воспоминания:
Трагедия в районе гаммы Лебеда...

Тампер.
Я не знаю, имя это или фамилия, или еще что.
Тампер.
Фанфары.
Вспышки прожекторов.
Появляется Тампер – он без фанфар не может.

И без прожекторов тоже.

Аплодисменты.

(ну, и без аплодисментов за кадром Тампер тоже не может).

Наконец, спохватывается, замечает меня. Приветствует легким кивком. Снова не замечает. Такое чувство, что это не он меня вызывал, а я к нему пришел, от дел отвлекаю.

Сдержано покашливаю.

Еще.

Еще.

Тампер недовольно оборачивается, всем своим видом показывает, ну что тебе еще надо, какого рожна...

– Вы меня... вызывали?

– А-а-а, это вы... да-да, вызывал... вы у нас, говорят, выдающийся ученый...

– Ну, я бы не стал о себе так...

– А напрасно, напрасно, сам не похвалишь, никто не похвалит... Берите пример с меня, без грамотного пиара черта с два про меня бы кто знал... ну что, сколько вы написали книг по этой вашей физике?

– М-м-м, даже и не припомню.

– А можете в своей книге... кое-что поменять?

– Не вижу в этом необходимости.

– А если вам заплатить хорошенько так?

Никогда не спрашиваю —

– Сколько?

А тут спросил:

– Сколько?

– Сто тысяч... устроит?

Киваю:

– Устроит.

– Не умеете вы торговаться, не умеете... Так и просидите всю жизнь в обсерватории вашей, в лаборатории...

Молчу.

– Ну ладно... так вот, можете написать, что черные дыры объекты не притягивают?

– М-м-м...

– Двести тысяч.

Сглатываю.

– Х-хорошо. Будет сделано.

Протягиваю руку, моя рука беспомощно повисает в воздухе. Вот так, рукопожатия я уже не заслуживаю, ну-ну...

Тампер исчезает.

Вот так.

Молча.

Смотрю на то место, гед только что была голограмма.

Кланяюсь пустоте.

...Кристал обвиняется в гибели четырехсот человек в результате аварии...

Да при чем здесь черная дыра, что там Кристал вообще

на какую-то дыру ссылаетесь, вы хоть знаете, что никакая дыра не притягивает ничего? Вы в учебник-то по физике загляните!

– Вопрос на триста тысяч...

Это Кристал.

Строчки по экрану.

Кофе.

Черная икра.

Орхидеи.

Ем черную икру.

Орхидеи не ем, нет.

– Не стесняйтесь, берите орхидеи.

Простите?

– Берите орхидеи.

Делать нечего, беру с блюда орхидею, надкусываю, м-м-м, они еще и в сахаре...

– Триста тысяч. Интересует?

Щелкаю клавишами.

– Интересует.

На клавишах остаются потоки сахарного сиропа, чувствую, что краснею.

– Ничего страшного.

Это снова с экрана.

Печатаю:

– Что я должен сделать?

– Я восхищен вашими учебниками, вы так доходчиво объясняете строение мира...

Сжимаю зубы. Ну, давай уже ближе к делу...

– ...а вы бы не могли изменить предельную скорость движения лайнеров?

– Это вам не ко мне, это к инженерам.

– Да нет... быстрее скорости света.

Пауза.

– Триста тысяч устроят?

– На сколько я должен изменить скорость света?

Вздрагиваю, когда вижу ответ.

– Четыреста тысяч.

Это Кристал.

Не унимается.

(Ударение на втором слоге)

Откашливаюсь, печатаю:

– Ну, куда скорость в два раза больше... давайте хотя бы в полтора...

Думаю, если сейчас спросит, что такое – в полтора, я его пришибу. А ведь спросит, современные-то не знают ни черта...

– Давайте в один и семь.

Вздрагиваю, вот черт, знает...

Беру еще одну орхидею.

Ем.

Вкусно.

Тогда тоже было вкусно.

Тогда.

Анька.

Пирог с вишней.

– Фу-у, с косточками.

Это Танька.

– Кому не нравится, в ресторан валите!

Это Анька.

– Девочки, не ссорьтесь!

Это я.

Пьем чай.

Тогда было вкусно. Даром, что с косточками.

Скоро будем.

Два слова в телефоне.

Сообщение трехлетней давности.

Уже знаю – не будут.

Ни скоро, ни вообще никогда.

– То есть, Кристал тут не при чем?

– Независимое расследование подтвердило, что это так.

Вот, посмотрите траектории, скорости движения...

– ...но позвольте, в таком случае получится, что пассажирский лайнер движется быстрее и непременно столкнется с...

– ...а вот и нет. Пассажирский лайнер превысил скорость

света, а это значит, что двигался не вперед, а назад.

– Но позвольте, в таком случае получается, что он вообще никуда не двигался, он был испепелен моментально...

– Вы мне что напридумывали?

Это Кристал.

– Я изменил законы физики, теперь вас не обвинят в гибели...

Да при чем здесь, чтобы меня не обвинили, вы должны сделать, чтобы Тампер...

– Как вы оцениваете шансы Тампера?

– Ну, знаете, после того, что случилось, я вообще удивляюсь, как Тампер выставляет свою кандидатуру. Нисколько не удивлюсь, если в ближайшее время мы увидим этого господина за решеткой.

– Так вы считаете, что это он виновен в гибели пятисот человек?

– Да, он двигался со скоростью...

Задумываюсь.

Спохватываюсь.

Набираю на клавиатуре:

– ...а если Тампера со сверхскоростью света пустить, его вообще не станет, лайнер-то сгорит к черту...

– Друг мой, вы хотите, чтобы меня обвинили в гибели

Тампера?

Перебираю варианты.

...более половины избирателей готовы отдать свои голоса за Тампера.

...а если изменить гравитацию...

...Тампер не может принять участие в выборах, поскольку обвиняется в гибели четырехсот...

Фанфары.

Тампер без них не может.

Вспышки прожекторов.

Без них Тампер тоже не может.

– Я сколько вам заплатил? Сколько я вам заплатил, я спрашиваю?

Откашливаюсь:

– Двести, если не ошибаюсь...

– А что вы сделали? Что вы сделали, я вас спрашиваю?

– Я выполнил...

– ...выполнил он! Все бы так работу свою выполняли, поувольнял бы всех к черту! Завтра же чтобы Кристал за решеткой сидел!

Кристал.

С одной Л.

Даже не говорю, что не сидел, а сидела – вроде где-то слышал, что Кристал это не м-с, а м-р-с, как они про себя пишут.

Не знаю.

Фанфары.

Прожектора.

Тампер выступает перед...

...отсюда не вижу, перед кем.

Осторожно подхожу ближе, в толпе меня всё равно не заметят.

В толпе...

Не сразу понимаю, что никакой толпы и близко нет, и не будет – пустая площадь, где на возвышении стоит Тампер.

Тампер.

Он совсем рядом.

Я могу коснуться его рукой.

...нет.

Не могу.

Смотрю на голограмму, спрашиваю себя, видел ли я когда-нибудь Тампера вживую.

Нет.

Не видел.

– Что вы наделали?

Это Кристал.

С одной Л.

Ударение на втором слоге.

Орхи... нет, сегодня без орхидей и без икры, и без всего.

И вообще.

ВАМ СООБЩЕНИЕ ОТ КРИСТАЛ

И —

– Что вы наделали?

Стучу по клавишам:

– Я выполнял свою работу.

– И как вы объясните все это?

– Что – все это?

– А где все люди? А что на земле творится, это вы мне можете объяснить? Атмосфера где, я вас спрашиваю? А Солнце куда ушло?

– Солнце на своем месте, это Земля от Солнца оторвалась, гравитация-то...

– ...да что вы мне голову морочите своей гравитацией, что вы с ней сделали вообще?

– То, что вы просили.

– Я вас просил учебник переписать, учебник, а не законы мироздания!

Хочу что-то объяснить, не успеваю. Кристал продолжает:

– Как вы это...

– Как у вас это...

– Как вы это делаете?

– Долго объяснять...

– ...и объяснять нечего. Завтра же чтобы все в порядке было, а Тампер...

– ...а Кристал чтобы уничтожен был!

Это Тампер.

Даже не поправляю, что – была, а не был.

– Его нет в живых.

– К-кого нет в живых?

– Тампера.

– Когда успели?

– Что когда успел?

– Уничтожить его. Ну, вы вообще зверь, надо же было...

– Я его не убивал.

– Когда же он умер?

– Давно. Очень давно.

– ????????????

– Более того, я вообще сомневаюсь, что он когда-то жил.

– Поясните.

– Думаю, как я могу пояснить, и могу ли вообще...

...поворачиваю ключ в замке.

Толкаю дверь.

Тут же отскакиваю за стену в ожидании автоматной очереди или чего похуже.

Ничего не происходит.

Вхожу.

Смотрю на Тампера, вернее, на то, что считают Тампером.

Читаю пометки на сервере, думаю, триллион терабайт – это сколько.

Не знаю.

Это было вчера.

А сегодня:

– Его нет в живых.

– К-кого нет в живых?

– Тампера.

А послезавтра:

– Его нет в живых.

– К-кого нет в живых?

– Кристала. Или Кристал... не знаю.

– Когда успели?

– Что когда успел?

– Уничтожить его. Ну, вы вообще зверь, надо же было...

– Я его не убивал.

– Когда же он умер?

– Давно. Очень давно.

Тампер не понимает меня, Тампер кипит и клокочет.

Это будет послезавтра.

А завтра...

...поворачиваю ключ в замке.

Толкаю дверь.

Тут же отскакиваю за стену в ожидании автоматной очереди или чего похуже.

Ничего не происходит.

Вхожу.

Смотрю на Кристал, вернее, на то, что считают Кристал.

Так и неизвестно, он, она.

А у Кристал терабайтов поменьше будет.

Орхидея на двери сервера.

Рассчитываю, сколько осталось кислорода.

Мало.

Рассчитываю скорости света, гравитационные постоянные и непостоянные.

Вот не умею я в таких условиях работать, не умею, когда нужно срочно-срочно, скорей-скорей, а не то что-нибудь случится... как в школе на контрольной, десять минут осталось, и надо скорей-скорей, бегом-бегом, а я не могу скорей, а я не могу бегом, а у меня так все мысли разбегаются...

Вдыхаю остатки кислорода, вернее, кислородом здесь уже

и не пахнет, вдыхаю не пойми, что...

Дописываю последние форму...

...звонок в дверь.

Кидаюсь к двери, распахиваю.

Анька.

И...

...и всё.

– Ну, привет, – Анька тычется губами мне в щеку, – устала, как черт...

Садимся ужинать.

Спохватываюсь:

– А... Санька?

Спохватываюсь:

– А... Танька?

– А они разве не...

Анька хочет спросить – не дома, не спрашивает.

Перепроверяю.

Отбрасываю расчеты в бессильной ярости.

Все сходится.

До единого.

Всё.

И все-таки их нет.

Аньки.

И Саньки.

Вишневый пирог.

С косточками.

– Фу-у-у, с косточками!

Так никто не говорит.

Некому говорить.

– Кому не нравится, в ресторан идите!

Так тоже Анька не говорит.

Некому говорить.

– Ой, пап, а там орхидеи такие!

Это Танька.

– Да поубивал бы всех!

Это Санька.

Роняю вилку.

– Ты чего?

Это Анька.

Хлопаю себя по лбу.

– Ну, конечно...

Дописываю формулы.

– Фу-у, с косточками!

Санька это вчера говорил.

И завтра скажет.

– Кому не нравится, в ресторан идите!

Анька это сегодня говорит.

А вчера не говорила.

И завтра не скажет.

Сегодня Анькин день.

А завтра Танькин и Санькин.

Скоро будут.

Скоро...

Джибути, которого нет

Объект обнаружен.

Не обнаружен.

Обнаружен.

Не обнаружен.

Это можно продолжать до бесконечности.

Ну, не до бесконечности, но страниц на двадцать, это точно.

Поисковик терзается, мигает, то видит меня, то нет.

Мечутся вспышки прожекторов, почему они мечутся, я бы на их месте аккуратненько двигался от стены к стене, выискивал сбежавшего... А-а-а, или это я представлял себе, что меня так ловить будут, вспоминал какие-то сцены из каких-то фильмов, вот оно так и получилось...

Прожектора перестают метаться, прощупывают местность – ровно, аккуратно, бережно, сантиметр за сантиметром длинного коридора. Чер-р-рт, зачем я это подумал, зачем-зачем-зачем, подал идею...

Бегу.

Спотыкаюсь о самого себя.

Стреляют.

Еще.

Еще.

Вот этого я не ожидал, что будут стрелять, еще надеялся

на что-то, сам не знаю, на что, ну поймают, ну по ногам стрелять будут, но не на поражение же...

Бегу.

Выстрелы.

Обжигает плечо.

Вертится в сознании – не надо, не-на-до-ненадонадоне-надо, еще надеюсь, может, услышат, может, прекратят...

...прекращают.

Может, патроны кончились или еще что...

...неважно.

Бегу.

Когда-нибудь этот коридор должен кончиться.

Когда-нибудь...

Смотрю на свою кожу, а почему она у меня белая, не должна быть белая... а-а-а, это читатель ошибся, почему-то белым меня представил. Нет-нет, уважаемый читатель, кожа у меня не белая, а совсем даже наоборот. Нет-нет, никакой я не афроамериканец, я в Америке отродясь не был. А? Что вы там подумали? Да, можете называть меня негром, можете мысли свои не прятать, в Африке негров неграми называют, и ничего...

А, ну да.

Я из Джибути.

Страна такая.

Не слышали?

Да никто не слышал.

И город такой есть.

Тоже про него никто не слышал.

А у нас есть...

...а ничего у нас нет.

Самое соленое озеро в мире у нас есть, вот.

И всё.

Выхожу из дома утром, вижу...

...ничего не вижу.

Иногда вижу красный песок. Кто-то объяснил мне – это потому, что на карте мира Джибути нарисована красным.

Иногда мы...

...кто мы?

Я даже не знаю, кто мы и сколько нас.

Говорю же – у нас ничего нет.

– ...и как будет работать ваш генератор текстов?

– Ну вот, смотрите... сначала он методом тыка выбирает время действия...

– Ого, у вас тут шкала времени от Большого Взрыва до Большого Коллапса.

– Ну, еще бы, ведь у нас может быть и фантастическое произведение... ну вот, программа выбирает время действия. Ну, скорее всего, конечно, выберет в промежутке от появления первых людей до настоящего времени... Потом программа смотрит, какие в это время были государства.

Выбирает страну, как место действия...

– Ого, у вас тут тоже солидный выбор стран...

– По последним данным – сто девяносто пять. Вот программа методом тыка выбирает страну, открывается вкладка с информацией об этой стране... Вот, Великобритания, вот крупнейшие города, вот программа ищет город, где будет происходить действие сюжета... выбрала Глазго...

– ...и что, про каждую страну так подробно написано?

– Ну, пока у нас тут данные по самым известным странам, которые у всех на слуху... По другим пока ничего и нет... вот, например, Джибути...

Да.

Вот, например, Джибути.

И в Джибути ничего нет.

ВАРИАНТЫ СЮЖЕТОВ ОТКРЫТЬ

1888 год. Обедневший английский аристократ вынужден продать поместье, в котором прошло его детство. Чтобы не допустить продажи поместья, он соглашается на сомнительную авантюру, предложенную одним проходивцем...

Ледниковый период. Ледник отступает, мамонты идут за ледником, люди идут за мамонтами. Вождь племени хо-

чет взять в жены юную девушку, но она взаимно влюблена в безымянного охотника. Возлюбленные сбегают из племени, идут на север. Охотник верит, что далеко на севере есть благодатная земля – такую сказку в детстве рассказывал ему старый мастер-оружейник. Пройдя множество испытаний, путники находят Арктиду – легендарную страну на Северном полюсе...

Из базы данных программы-писателя сбегает житель Джибути – страны, про которую в базе данных ничего не указано. Он хочет добраться до настоящего Джибути и узнать, что это за государство, и что там есть, – чтобы написать историю о Джибути...

– А это еще что такое?

– Где?

– Да вот же...

– Ну... компьютер сюжеты перебирает...

– Да нет же... ничего, что это никакой не сюжет? Ничего, что это на самом деле...

– И как писать?

– Пиши... разыскивается...

– Угу... а кто разыскивается?

– М-м-м... человек...

– Это понятно, что не лошадь. А приметы какие?

– Да никаких. Говорю же, данных про него нет никаких...

– Ну, есть данные, нет данных, а беглеца этого найти и обезвредить...

– Ну, так что вы видели?

– Ой, ужас такой был... да вообще...

– Ужас-ужас, вы скажите, что видели-то?

– Да дайте я успокоюсь хоть... ну, вообще...

– Может, вам воды дать?

– А у вас чего покрепче есть?

– Ну, вот... коньячок есть...

– Ой, а можно мне кофе с коньячком?

– Давайте я вам налью...

– Ой, а можно курить?

– Да курите, курите, вы только расскажите, что видели-то?

– Да что видела... тут этот зашел...

– Какой этот?

– Ну, черный такой... и глаза блестят... и за столик садится... мне еще так страшно стало, я вообще к нему подойти боялась... ну меня одну в баре оставили, хозяин уперся, жуть такая...

– Вы не вышли к нему?

– Вышла, куда деваться-то... он чашку кофе заказывает... говорит еще с акцентом таким, хрен чего поймешь... Я его спрашиваю – вы какой хотите, эспрессо, латте, или чего там, он своё твердит – кофе, кофе... я ему американо налила, а он

давай расспрашивать, а где у вас тут гостиницы есть, а где то, а где сё... я еще так боялась, что он меня изнасилует...

– И... что же?

– А тут этот врывается...

– Кто?

– Ну, мужик такой...

– Тоже черный?

– Нет, белый... А можно еще курить?

– Да курите, курите, да пожалуйста... и чего он... белый этот?

– А тут страшно так... пистолет достает, в черного этого целится... а можно мне еще кофе?

– Да, пожалуйста... вам с коньяком?

– Да, да... ну и вот... и в него стреляет... ужас какой...

– А вы?

– Я в кухне спряталась, всё боялась, что он и меня найдёт...

– А он?

– А он стоит такой и на убитого смотрит... потом смотрю, убитый растворяться начал... вот так, в воздухе таять...

– Да знаю я, знаю...

– А... а от-куда вы знаете?

– Гхм... может... еще кофе?

– А... а это он.

– Кто он?

– Да вот же, вошел! Это он его убил!

- Ты куда вылез-то, ты... ты зачем ее застрелил, а?
- А то сам не догадываешься?
- Да я тебя свидетелей убирать не просил...
- Да при чем тут свидетели, ты смотри, смотри...
- Тьфу ты черт... первый раз вижу, как они так...
- Вот так вот... а ты думал, там один парень сбежал?
- А девка почему белая?
- А черт её знает...

Я из Джибути.

Страна такая.

И город такой.

Меня убили.

И не убили.

Потому что.

Моя история уже создана. История про то, как я сбежал из придуманного Джибути, чтобы увидеть настоящий Джибути. История про то, как меня поймали и убили. И спутницу мою тоже.

И теперь мы будем жить.

Правда, имен у нас нет... ну да ничего, много таких героев, у которых имен нет...

В сумерках под фонарем

Он меня увидел в сумерках, под фонарем.

Да нет, что я говорю, он меня раньше увидел. Где-нибудь в толпе, или в маленькой комнатенке под самой крышей, или еще раньше, в родительском доме, или еще до моего рождения, или он видел весь мой путь – от рождения до смерти, и все это был я.

Хотя нет. Мне кажется, он увидел меня в сумерках под дождем.

Или... под фонарем, я сказал?

Они оба там были. И дождь, и фонарь.

И я.

Он меня увидел, выхватил мое лицо из миллиона лиц, отметил про себя – это он.

Намазываю икру на хлеб.

Щедро.

Густо.

Вонзаю зубы.

Такое представлял себе только в самых смелых мечтах, огромный стол, а тут икра, и шоколад, и оливки, и колбаса копченая, и много еще чего, и хочется попробовать и то, и это, и...

Слезы из глаз.

Мир переворачивается.

Глотаю невыносимо соленую икру, кто же знал, что такая гадость...

Не дорос я еще до икры, в тридцать два года – и не дорос.

Осторожно смотрю на оливки, нет, до оливок я тоже не дорос. А вот брауни, это очень даже, подхватываю себе на тарелку здоровенный кусок, шоколадная крошка падает на скатерть, чер-р-рт...

Оглядываюсь.

Только сейчас понимаю, что люди за столом не едят, потягивают коктейли через соломинку, и всё.

Тихие смешки за спиной.

Черт, черт, черт, миллион раз – чер-р-р-ррт...

Он смотрит на меня.

Как кажется мне – снисходительно.

Еще в детстве я знал, что будет так. Еще там, на безвестном полустанке, где я родился, где мальчишки дразнили меня... (нет, я даже не напишу – кем), где я был изгоем – я знал, что в моей жизни будет всё это, сверкающие концертные залы, роскошные столы, дворцы, которые кажутся невосомыми...

Это не были какие-то наивные детские мечты – я просто знал.

Он увидел меня в сумерках под фонарем.

Увидел и сказал себе – это он.

Я до сих пор не знаю его имени, да может, у него и нет имени.

Вечер, дождь, мерзкий, осенний, пробирающий до костей, а завтра снег обещали, пусть провалятся они со своим снегом в середине октября.

– Проваливай, проваливай отсюда, не понял, что ли?

Это мне.

Это в каком-то кафе.

Это хозяин кафе.

Из теплых объятий света – в ночь, в холод, в улицу.

А потом он увидел меня под фонарем.

Просторный холл.

Кресла.

Кофе.

Стол, инкрустированный камнями, так, что получается карта мира. Сидящие за столом перебирают шахматные фигурки, бросают кости. Беспомощно верчу в руках черного ферзя, отчаянно пытаюсь понять смысл игры.

Он смотрит на меня.

Насмешливо.

Бросаю кости.

– Двенадцать.

Он двигает моей рукой, показывает, как ставить ферзя.

Аплодисменты.

Сидящий справа пожимает мне руку:

– Поздравляю, теперь всё западное побережье ваше.

Ёкает сердце.

Оказывается, вот как это делается.

Я знал, что так будет.

Еще когда останавливался на площади Таймбурга и расстегивал сюртук, и люди испуганно шарахались в стороны, когда видели, что у меня под одеждой.

Хотя в Таймбурге таких было много.

Больше, чем на нашем полуостанке, где я такой был один.

Приходилось быть осторожным, чтобы не забрали в полицию, а иногда и забирали, составляли протокол, отпускали, потому что не знали, что делать дальше. И на следующий вечер я снова приходил на площадь (уже на другую) и распаховывал пальто.

– А как вы считаете, откуда взялись скрипачи?

Что я могу сказать... мутация.

– А как они устроены?

– Ну, знаете... я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь вскрывал скрипача.

– А если сделать рентген?

– Позвольте, рентгеновские лучи еще не открыты. Когда их откроют, я непременно воспользуюсь вашим советом.

...воспоминания...

Уже тогда я знал, что буду спать на шикарной постели в спальне с зеркалом на потолке.

Стук в дверь.

Открываю.

На пороге тот, сидевший рядом со мной за столом. Толкает меня в комнату, спешно расстегивает мой пиджак.

– Друг мой, мне поручили посвятить вас...

Люди не сразу понимали, что со мной, еще думали, что у меня к телу привязана виолончель, потом кто-то догадывался, что моё тело и есть – виолончель. А потом я вынимал из трости смычок и касался струн...

– Э-это ш-ш-то еще такое? Запр-р-р-ещено!

Сломаю голову бегу от полиции, в переулок, в другой, в третий, кто-то хватает меня, тащит в неприметную дверь, отбиваюсь от кого-то, получаю от кого-то крепкую оплеуху с шепотком Ты чё, debil, что ли, меня тащат по узкой лестнице куда-то под небеса...

Его звали Манфред.

А её звали Хлоя.

Крохотная комнатка под самой крышей.

Луна в чердачном окне.

Шоколадный чай.

– Первый раз в столице?

Это Манфред.

– Кто ж на площади играет, это по переулкам надо...

Это Хлоя.

– На одну тональность выше, друг мой.

Беру на одну тональность выше.

Мой ночной гость довольно кивает:

– Прекрасно, друг мой, честное слово, вас учить, только портить.

Его зовут...

...у него сложное имя в непривычных для человеческого уха октавах и тональностях. Я его называю про себя Уульм.

– ...ну ты вообще мастер, это ж надо же, десять золотых за вечер... теперь пожрем...

Это Манфред.

Жрем.

Жареная крылопатка.

Половинка луны.

Вкусно.

– Прикажите этому человеку принести вам воды.

Это говорит Уульм.

Покашливаю, думаю, как обратиться к официанту.

– Э-э-э... любезный, будьте добры, стакан воды!

Уульм смеется.

– Э-э-э, так каждый может...

Уульм наигрывает на своей виолончели, начинаю понимать, что он имел в виду. Человек в форме идет к нам, глаза стеклянные, медленно подает стакан...

Уульм подмигивает мне.

– Ничего, лиха беда начало... я тоже не сразу научился... потом армиями командовал...

Он заметил меня под фонарем.

Вечером.

До сих пор не знаю, как он нас находит. Может, неслышно парит над городом и высматривает тех, у кого под одеждой виолончель. А может, знает – с того момента, как мы родились, если не раньше...

Играю военный марш.

Взвизгивают струны.

Не верю себе, быть не может, чтобы это была моя мелодия...

Люди смотрят на меня.

Слушают.

Повинуются.

Идут куда-то все в едином порыве.

Играю. Люди идут прочь из города, туда, где на холмах поджидает враг.

Играю мелодию ненависти, мелодию войны.

Схлестываются два войска.

Звенят клинки.

Земля наполняется свежей кровью.

Он наклоняется.

Он...

Его зовут...

...никак его не зовут, нет у него имени.

– ...отлично поохотились.

Это Уульм.

Молчу.

Вспоминаю.

Человек с разорванным горлом на мостовой. Вижу, как стремительными струйками вытекает кровь, исчезает между камней...

Вижу...

...нет, показалось.

Нет, вижу.

Капли крови меняют свои очертания, вот уже я вижу тноту, одну, другую, третью, льются, переливаются...

Он ловит ноты длинным раздвоенным языком.

Одну.

Другую.

Третью.

Начинаю понимать, откуда берутся мелодии.

Начинаю понимать...

Он заметил меня вечером под фонарем.

Я думал, так не бывает.

А вот.

Бывает.

Свет фар за пеленой дождя, визг тормозов, разворачивается черный автомобиль.

Хлопает дверца.

О Садитесь.

Это мне.

Город несется навстречу.

Ступени дворца.

Сверкающий зал.

Накрытый стол.

Икра.

Ну, об этом я уже говорил...

– А вы делаете успехи, друг мой...

Это Уульм.

Одобрительно похлопывает меня по плечу, подергивает мои струны.

Играю мелодию войны, мелодию смерти.

Люди мечутся по улице, ищут врагов – интересно, кто на этот раз будет врагами. Да не все ли равно – синие против красных, красные против синих, черны против белых, белые против черных...

Камень с грохотом разбивает витрину.

Выстрелы поверх толпы.

Кто-то что-то орет в мегафон, не слышу, кто и что – мою мелодию все равно не перекричит...

Капли крови рассыпаются нотами.

Он хватается ноты – одну, другую, третью...

В какой-то момент чувствую, что больше не в силах играть, – смычок и струны не слушаются меня. Он перехватывает смычок, терзает мои струны – быстрее, быстрее, быстрее, яростнее, – только теперь понимаю, что ничегошеньки я не умею, сколько бы там ни учил меня Уульм...

...ноги не держат меня, мир несется навстречу...

– К-какой час?

– Да вы лежите, лежите, что всполошились-то...

Это Уульм.

С трудом разлепляю веки.

Уульм протягивает мне чашку с кофе, бормочет что-то, выпейте-будет-легче...

Пью.

У кофе привкус крови. И музыки. Раньше и не знал, что так бывает, привкус крови – и музыки.

Он смотрит на меня.

Как мне кажется – с благодарностью.

Он увидел меня под дождем.

Нет, под фонарем.

Нет, под дождем.

Нет, все-таки под фонарем.

Свет фар.

Тормоза.

– Садитесь.

– ...у вас какой размер?

(это уже там, во дворце)

Даже не сразу понял, что меня спрашивают про мой размер одежды.

– Не жмет?

Тогда даже не сказал, что в плечах широко, а в бёдрах узко.

Уже позже спохватился, что в старом пальто осталась горсть мелких монет и еще что-то... что-то важное...

...не помню.

А нет.

Помню.

– А за сколько у вас кольцо?

Это в магазине.

Продавец называет цену.

– А... подешевле есть?

Уже жду ответа продавца – для вас тут ничего нет.

Продавец вынимает невзрачное колечко.

– Всего пятьдесят.

Вспоминаю.

Хлопаю себя по лбу.

Конечно же.

Хля.

Трогаю струны смычком, приказываю подать машину.

Швейцар сгибается в почтительном поклоне. Шофер жмет на газ.

Сверкающие витрины.

Продавец шарахается от меня, как черт от ладана, трясется, вытягивается в струнку.

Откашливаюсь:

– Мне бы кольцо какое-нибудь подобрать... для девушки.

– А-а-а-а... с-сию минуту... в-вот...

Смотрю на крупные камни.

– Поизящнее бы что-нибудь... она у меня такая... мини-атюрная...

– А-а-а... в-вот... вам... п-просто в подарок или... для особого случая?

Киваю:

Для особого случая.

– А, ну так я вам праздничный футляр дам...

Продавец не хочет брать деньги, я настаиваю, берите, берите...

Он увидел меня под фонарем.

В сумерках.

Еще как-то разглядел серую невзрачную фигуру за пеленой дождя, хотя что я говорю, он же не глазами смотрит, он как-то по-другому смотрит, мы так не умеем. Наверное, еще смотрел, приценивался, да точно ли распахнуть передо мной дверцу лимузина, а то, может, еще полетать над городом, посмотреть, поискать...

...или нет, он не летает, он по-другому как-то.

Не знаю.

Шофер жмет на газ.

Город несется навстречу.

Хочу назвать адрес...

...закрываю рот.

Понимаю, что никакой адрес не назову.

Не помню.

Не знаю.

Хитросплетение улиц без названий и домов без номеров, какие-то фарфоровые статуэтки, вмурованные в стену, а вот, там еще над входом в дом чугунный рыцарь фонарь держит, да мало ли в Таймбурге таких домов...

Шофер вопросительно смотрит на меня.

Молчание прерывает он – зовет за собой, намекает, что пора бы и делом заняться.

Занимаюсь делом.

Играю.

Машина несется по городу, люди выстраиваются в шеренги, щелкают ружейные затворы, звенят клинки...

Он увидел меня в сумерках.

Музыка пахнет кровью.

Или кровь пахнет музыкой.

Не знаю.

Сейчас тоже сумерки.

Мелодия рвется наружу, готовая разорвать моё сердце. Нет, человек не может так играть, это уже он водит моей рукой, сильнее, сильнее, до изнеможения...

Мелькают улицы.

Кто-то падает с простреленной головой.

Знатный улов.

Чугунный рыцарь держит фонарь у входа в дом.

Клинок взмывает над чьей-то шеей.

Над...

...воспоминания наваливаются – все, разом.

Опускаю смычок – он не понимает меня, он снова сжимает смычок, терзает струны, он не поймет, никогда, никогда, никогда...

Клинок опускается.

Разрываю собственные струны, чтобы не играть – кровь

хлещет по одежде, заливают плюшевые сиденья...

Он жадно слизывает кровь с клинка, тяжелые капли падают на мостовую...

– А бывало такое, чтобы вы не смогли сыграть на инструменте?

– Было... один раз.

– А что такое?

– Должно быть, модель бракованная...

– Да как они могут быть бракованные, все по заводскому стандарту сделаны! Вы на клеймо фабричное посмотрите...

– А нету там клейма.

– К-как нету?

– ...а здесь, дорогие туристы, обратите внимание на мостовую перед домом. Да-да, вот перед этим домом, где чугунный рыцарь держит фонарь. Ничего не заметили? Нет? Совсем ничего?

– А вот колечко...

– Пра-а-авильно, колечко! Крохотное колечко на мостовой, его как будто обронил кто-то... это колечко местные умельцы выковали в память об одной легенде. Как гласит предание, в старину жили в городе Таймбурге люди, у которых... как бы это сказать... часть тела человеческая была, а часть – музыкальный инструмент, скрипка там или контрабас...

И совсем не в старину, думаю я, недавно это было.

Поднимаюсь над толпой туристов, над притихшим вечерним городом.

Вчера заприметил еще одного без фабричного клейма. Заприметил, тут же упустил, юркнул человечек в кафе, будто почуял, что я его вижу, а может, и правда почуял...

Будь я проклят, если сегодня его не найду...

...под фонарем...

...в сумерках...

Нигдерево

В Таймбург я приехал на закате.

Припарковал закат у ворот, я пошел по городу. Я понятия не имел, что мне делать дальше, уж слишком запутанное мне досталось дело. Для начала я решил отправиться в городскую ратушу, сам не знаю, зачем.

– Где ратуша, не подскажете? – спросил я.

– А вон прямо и направо, – ответили мне, – её охраняет страж.

– Кто-кто? – спросил я.

– Страж, – ответили мне.

– Постойте-постойте... страж или страш? Если страж, так он охраняет ратушу, а если страш, так он страшный, я его боюсь...

Мне не ответили. Я пошел к ратуше и окликнул стража. Или страша:

– Вы страж или страш?

– Я не знаю, – ответил он.

Я вошел в ратушу – меня окутала непроглядная темнота. Она окутала меня уютным пледом, что было очень кстати после промозглой улицы, и налила мне чашку кофе.

– Входите, входите, – послышалось из темноты.

– Где вы? – спросил я.

– Я здесь.

– А кто вы? – снова спросил я.

– Я здесь, – ответил он.

Здесь оказался очень приятным господином, он признался мне, что он туман.

– Кто вы? – не понял я.

– Ну, есть вот наркоманы, токсикоманы, а я – туман.

– Понятно, – сказал я, хотя мне было совсем ничего не понятно.

Мы вышли на улицу, Здесь начал увлеченно показывать мне Таймбург.

– Вот это гдерево, – сказал он.

Гдерево оказалось очень красивым, правда, фотографироваться отказалось.

– А это вездерево, – продолжил Здесь.

Чуть погодя Здесь осторожно признался мне, что давным-давно занят поисками нигдерева, но ему еще ни разу не удавалось найти ничего подобного. Поговаривали даже, что никакого нигдерева не существует, но Здесь верит, что оно где-то есть.

– А что вас привело в наш город? – спросил Здесь.

– Очень сложное дело... Понимаете, один скворец ищет свой сквор.

– Что-что ищет? – удивился Здесь.

– Сквор.

– А что это такое?

– Не знаю.

– А... почему он ищет?

– Ну вот, смотрите... вот стоит дворец...

– ...знаменитый таймбургский дворец, – кивнул Здесь.

– ...и вот, вокруг дворца двор.

– ...знаменитый таймбургский двор, – кивнул Здесь.

– У дворца есть двор. Значит, и у скворца должен быть сквор.

– Логично, – согласился Здесь.

И клятвенно пообещал мне, что если однажды увидит сквор, обязательно сообщит скворцу.

А потом меня забрали в полицейский участок.

Я так и не понял, за что.

– Кто вы? – спросили меня в полиции.

Я ответил:

– Совенок Савушкин.

И попросил, чтобы приглушили свет, потому что я привык жить в темноте.

– Пойдите-пойдите, если вы совенок, то должны быть Совушкин, а не Савушкин. А если вы Савушкин, вы должны быть савенок.

Я понял, что они правы.

– У кого вы украли фамилию? – спросил следователь.

– Я... честное слово, я не крал, я... наверное... я перепутал с кем-то фамилию.

– И где это, по-вашему, могло случиться?

– Ну... на вокзале где-нибудь... В аэропорту...

– Мы дадим объявление в газеты, – сказал следователь, – но этого будет недостаточно, вам самому придется искать фамилию...

Я понял, что расследование будет намного сложнее, чем мне казалось вначале.

– Не беспокойтесь, – шепнул мне Здесь, – я помогу вам...

Соль чуждых

– Дайте мне еще сутки.

Это я Мальгусу говорю.

А он молчит.

Вот это плохо, что молчит, лучше бы заорал, это он здорово умеет, орать, клокочет, кудахчет, квохчет, хлопает крыльями...

А тут молчит.

Откашливаюсь, повторяю:

– Дайте. Мне. Еще. Сутки.

Мальгус разворачивается, смотрит на меня сверху вниз:

– И который раз вы мне это говорите?

Меня передергивает.

– Первый.

– Ой ли?

Повторяю:

– Первый.

– Чтобы за сутки они от нас рожки да ножки оставили?

– Полгода всё нормально было, а теперь...

– ...а теперь началось.

Мальгус нависает надо мной, большой, матерый, он может проглотить меня, если захочет.

– Друг мой, вы гуманист до мозга костей...

Сжимаю челюсти, ну, началось...

Молчу. Тут одно спасение, – молчать. И слушать. Ждать, пока Мальгус откипит своё, отключочет.

Одни сутки, – повторяю я.

– Ну, найдете вы его, и что?

И то, думаю я.

Вслух не говорю.

Я увидел её вчера.

Нет, вру, позавчера.

Нет, снова вру. Не помню, когда.

Её звали... а ведь даже и не помню, как её звали, звали же как-то, вспомнить бы еще, как, молодежь имена меняет только так, утром одно, вечером другое, а может, и вовсе лишили имени за неуплату, тоже бывает...

Так что не знаю, как её звали.

Я увидел её...

...ну скажем, позапозавчера.

Стояла под фонарем, еще увидел, еще отметил, вроде знакомая, ну из тех, кого видел раза два у кого-то там в гостях, и вроде не о чем говорить, а надо подойти, окликнуть, пожелать доброго вечера...

Подошел.

Окликнул.

Доброго вечера пожелать не успел.

Не сразу понял, что с ней не так, еще до последнего надеялся на что-то, сам не знаю, на что, хотя надеяться было уже

не на что.

Мертва.

Убийство...

Читаю отчет, перечитываю снова, не понимаю...

Убийство...

С этого всё и началось.

Хотя нет, нет.

Всё началось с того, как упала звезда, я видел, как она падала, да мы все видели, такое невозможно было не заметить. До сих пор жалею, что не загадал желание, и не потому, что не успел – тогда я еще не знал, что нужно загадывать желание.

Это уже потом чуждые мне объяснили.

Чуждые вообще много мне объяснили. Что нельзя рассыпать соль, иначе будет беда. Раньше я не знал, что нельзя рассыпать соль. Раньше я вообще не знал, что такое соль. И что ею положено посыпать зерно, тоже не знал.

А вот – соль.

Или вот еще: берешь чашу и выставляешь над собой, когда небо плачет. Это тоже они показали. Они еще к чаше трость приставляют, чтобы держалась.

А вот дом сразу соорудить не умеют.

И тишину пустить не умеют.

И темноту тоже.

И время законсервировать не могут. Я их учил, не понимают.

Они меня учили, как надо отвар пить. У них для этого специальные лопаточки есть.

Они...

Ах да.

Звезда упала.

Мы тогда пошли смотреть...

...нет.

Вру.

Они первые к нам пришли.

Зерно принесли.

Зерно у них плохонькое, не в пример нашему. А вот соль это да, раньше и не думали, что соль измельчить можно и в зерно добавить...

Звезда упала.

А потом я увидел её.

И не успел пожелать ей доброго вечера.

Потому что она была мертва.

– Дайте мне сутки.

Это я Мальгусу говорю.

Мальгус смотрит на меня с презрением. Мальгусу вообще не до меня, Мальгус ест. Без соли ест, Мальгус соль не любит,

соль чуждые привезли.

– Ну, хорошо...

Мальгус нехотя открывает тайник, отсчитывает мне ровно сутки, кладет на стол, подчеркнуто отворачивается.

Мальгус...

...в целях собственной безопасности мы должны поднять звезду снова на небо.

Это Мальгус.

Мальгус не скажет, чтобы убирались, откуда пришли.

Мальгус скажет – надо поднять звезду обратно на небо.

– Да не я это, не я!

Его зовут Фарид. Здесь всё просто. Фарид. У них имена не меняются, как был при рождении Фарид, так и остался.

– А где вы вечером были?

– Дома был, вон, жена подтвердит... что, не верите, да?

Скажете, оба врем?

– Пока ничего не скажу... А еще кто в доме есть?

– Дочка есть...

– Я хочу поговорить с ней.

Фарид усмехается.

– Не получится это у вас.

– А в чем дело?

– А в том, что ей два месяца от роду.

– И?

– Чего И... э-э-эх, вы, послали вас тут убийцу искать, а сами-то ничего про нас не знаете...

Спохватываюсь:

– С трех лет говорят.

– Кто и в год говорит, вон, у сестры дочка в год уже смотрит, пальцем тычет, киса пошла домой...

– ...мы его найдем, мы его сами голыми руками придушим на хрен...

Это Фарид.

Он мне про свое имя говорил, в честь какого-то героя называли, он там всех спасал, всем помогал, еще что-то, уже не помню, что.

– Придушим на хрен...

Сжимается сердце.

Раньше я и не знал, как это – придушим. Чуждые мне показывали, сжимают горло сильно-сильно...

Я раньше и не знал, что так бывает.

Сжимают горло.

Сильно-сильно.

Они мне еще показывали. Лезвие. И еще показывали трубу, туда кусочек свинца кладут, а потом...

– ...это же на всем поселении пятно теперь!

Не понимаю:

– Какое пятно?

– Так теперь про всех подумают...

Молчу.

– Надо еще восемь домов обойти...

Ночь приходит.

Открываем двери, чтобы впустить ночь, ставим на крыльцо огни, чтобы ночь нашла дорогу.

Светятся огни за рекой.

Там чуждые.

Чуждые на ночь двери закрывают, боятся ночи.

Не ночи они боятся, самих себя они боятся.

Это хозяйка моя.

Закрывает дверь в дом. Не понимаю, зачем закрывает, ночь же в дом не войдет.

– Вот от них и закрываю, хочешь, чтобы и нас туда же, как Ииииту?

Теперь я знаю её имя.

Ииииту.

А доброго вечера ей уже не пожелаю.

Жду, когда хозяйка уснет. Осторожно поднимаюсь на второй этаж, открываю дверь, чтобы пришла ночь. Потихоньку открываю ночь, запечатанную десять лет назад, я каждый год так делаю.

Погружаюсь в ночь, дивная была ночь, когда пели звезды...

...носятся над рекой чужие сны, потревоженные близким рассветом.

Стараюсь не смотреть сны чуждых – странные сны, чуждые сны, ну, какие чуждые, такие и сны.

Кровь.

Пепел.

Смерть.

И не та смерть, как бывает в конце долгой жизни, когда, что мог, совершил, и уснешь в вечную тишину, а такая смерть, которая приходит внезапно, только что не было – и вот она, настигла стремительно.

Малопонятное – ковчег.

Еще малопонятное – когда у тебя есть дом, и ты бросаешь все, и бежишь из дома, и в спешке вспоминаешь какие-то заученные правила, взять динг, динг, до кументов, не знаю, что это, он знают, я не знаю, надо у них спросить, они знают, почему до кументов брать надо, а после кументов нет. Потом какие-то воспоминания, сбивчивые, отрывистые, надо вернуться, там ноут, что такое ноут, некогда возвращаться, всё некогда, гриб над городом, гриб, какой гриб, а вот гриб над городом...

...сон обрывается.

В отчаянии стряхиваю с себя сон, никак не ожидал, что он закончится смертью.

Даже странно, – хозяин сна умер, а сон живой.

Приходит утро. Приходит осторожно, долго мнетя на пороге, стесняется войти.

Спускаюсь на первый этаж пожелать хозяйке доброго утра.

Окликаю хозяйку.

Уже понимаю, что никакого доброго утра не пожелаю.

– Где она была?

Это следователь.

– Вот здесь.

Это я.

– Вы не трогали тело?

Это снова следователь.

– Нет.

Это снова я.

– Кого-нибудь подозреваете?

– Нет.

Так надо разговаривать, когда кто-то умирает. Раньше мы этого не знали. Прочитали у чуждых.

Вечером приходит будущее. Приходит осторожно, крадется по закоулкам, разливается по темноте. Ищет того, кто его увидит, кто ужаснется.

А есть чему ужасаться.

Руны, вот как это называется. Нет, не руны. Руины. Теперь я знаю – руины, это чуждые нам сказали.

Что такое пепел, мы до них знали. Что такое кости – тоже.

Только не знали, что истлевши кости могут лежать на земле, присыпанные пеплом.

Что такое смерть, тоже знали. Только не знали, что смерть может ходить за тобой по пятам, лизать твои следы раздвоенным языком.

Кто-то опускается на колени перед разрушенным очагом в разрушенном доме, зажигает огонь. Оглядывается, прислушивается к шорохам, сжимает трубку с кусочком свинца на тот случай, если кто-то подберется к убежищу.

Просыпаюсь.

Сон ускользает в окно, торопится исчезнуть. Успеваю заметить что-то, еще сам не понимаю, что...

Ну да.

– Это вы убили двоих?

Тощий парень смотрит на меня с ненавистью:

– Да ты охренел или как? С какого хрена я убивать буду?

– Но зерно вы украли?

– Ну а чё теперь с голоду подышать, что ли?

Фарид тихонечко дергает меня за крыло:

– Нам его отдайте... мы с ним разберемся по-нашему...

Спрашиваю Фариду:

– Это он убил?

– Не, я его знаю... по мелочам стырить может что-нибудь, зерно там, еще чего...

Фарид говорит еще что-то, пытаюсь понять, за что и где

задержали зарплату, а послерплату не задержали, и почему тогда надо было зерно красть, и вообще...

– ...не он это. Не он.

Чуждые уводят тощего, скручивают руки за спиной, кто-то бьет пленного, не понимаю, зачем, он же не сопротивляется, он же не пытается бежать, он же...

– Еще сутки? – насмешливо спрашивает Мальгус.

Киваю:

– Еще сутки.

– Друг мой, у меня на вас суток не напасешься, вам свои сутки не жалко, вы и берите!

Мне свои сутки жалко. И все-таки распечатываю очередные свои сутки

– А ты мне вот что скажи, – Фарид прищуривается, смотрит на меня, – там что-нибудь пропало? В доме у тебя, когда хозяйку грохнули?

– А что должно было пропасть?

– Да хоть что! Ценное что-то...

– Не припомню... нет...

Фарид хлопает меня по спине:

– Не наши это!

– Вы думаете...

– Не наши. Наши бы полдома вынесли, это точно...

Жена Фариды режет траву, мелко-мелко режет, так у них

принято. Хлопаю крыльями, трава рассыпается мелким порошком. Хозяйка благодарно кивает. Берет соль.

Что-то неуловимо меняется, что-то происходит там, на улице. Выглядываю – так и есть, Мальгус уже здесь в окружении полицейских. Сейчас он хлопнет крыльями, и поселение на берегу реки обратится в прах.

Выпархиваю на улицу через окно. У чуждых на втором этаже не дверь, а окно, они через первый этаж в дом заходят.

– Сердечный друг мой, Мальгус...

Мальгус даже не оборачивается, Мальгусу ни до кого и ни до чего, особенно – ни до меня, Мальгус сюда пришел, чтобы...

Мальгус раньше ничего подобного не делал.

Поэтому волнуется.

Нет, так-то шелкал крыльями, так-то испепелял, много чего испепелял, и траву в прах рассыпал, и овощи, а без этого как еду приготовишь, или в скале ходы-комнаты проделать, чтобы дом был, это тоже Мальгус умеет, а вот чтобы живы испепелять...

– А я знаю, кто убил.

Это я говорю.

Мальгус фыркает.

– Я знаю. Вы обещали, если найдем, кто убил, вы поселение в покое оставите.

Ловлю отчаянные мысли Фариды, надо выдать хоть кого-нибудь, неважно, кого, чтоб отвязались, только чтоб

не Фариды и не жену Фаридову, а вон, того парня, который зерно украл, на него два трупа повесить...

– Кто убил? – спрашивает Мальгус.

Киваю:

– Вы.

– А если серьезно?

– Серьезно вы.

– С ума сошли, зачем мне...

– ...затем. Вы хотели, чтобы они ушли. Чтобы упавшая звезда вернулась на место.

– Друг мой, что вы за ересь несете, где вы видели, чтобы...

Это Мальгус.

– ...вы всё продумали, вы только одного не учли...

Это я.

– ...что чуждые просто так не убивают. Чуждые убивают, чтобы с этого получить что-то... зерно, или еще чего. Вот если бы вы у убитых забрали что-нибудь, это да... а так сразу видно, не чуждые убивали.

– Вы... вы...

– Да, и вот еще... Мальгус... когда в следующий раз будете подсовывать мне свой сон, вы вспомните, что я в два раза ниже вас ростом, а то сон с высоты вашего роста смотреть пришлось...

Стражники всё понимают.

Уводят Мальгуса.

Фарид бросается ко мне, бормочет какие-то благодарно-

сти.

– А ловко вы от него избавились.

Это Фарид. Постаревший, высохший, но всё такой же бодрый. Фарид. Как он оказался вообще у меня в гостиной, велел же никого не пускать, или градоначальнику вообще отдышать не надо, что ли... Вот сейчас окликну слугу, напомню про никогонепускать, он только руками разведет, так Фарид же.

Так вот.

– Ловко вы от него избавились.

Это Фарид.

Вздрагиваю:

– От кого?

– От Магнуса вашего, или как его там... Мальгус.

– В смысле?

– А то сами не понимаете... грохнули двух человек, списали на градоначальника... конкурента, так сказать, убрали...

Киваю:

– Зря, что ли, книжки ваши читал... как там... тогда старший сын пробрался в комнату старого графа и выстрелил в него два раза, после чего преспокойно поднялся к себе в спальню...

– Да вы вообще молодец... – Фарид придвигается ко мне, подмигивает, – ну что... договоримся по-хорошему... вы мне три тысячи, а я...

– Где вы были, когда убили вашего отца?

Альфа плачет. Навзрыд. Альфа. Нет, её как-то по-другому зовут, Альфия, что ли...

– Да дома... дома была...

– А может, не будем врать?

– В смысле?

– В прямом. Значит, дом в наследство получить захотелось... ну-ну...

Вопиющий случай произошел в маленьком городке. Зверское убийство старого Фариды...

Не дочитываю.

Я уже знаю, что там написано.

Посыпаю зерно солью.

Это чуждые меня научили.

Чуждые вообще много чему меня научили.

Сегодня во сне пришло будущее.

К уже знакомым словам – руины и ружье – узнал новое – Гейгер.

Пока не совсем понятно, что это.

Сначала думал, что сон заблудился, потом увидел —

Сон был на уровне моего роста.

Мой сон.

Недоснившийся сон

Длинный футуристический коридор – в какие-то минуты кажется, что он даже не трехмерный, а переходит в четвертое измерение. В конце коридора появляется человек, худой, нескладный, поджарый, седой, лет пятидесяти, бежит по коридору в сторону зрителя, разбивает окно, прыгает. Летит с головокругительной высоты (вид сверху), падает на пролетающий мимо футуристический летательный аппарат. По коридору бегут солдаты (тоже в футуристической форме), смотрят в распахнутое окно, жестами выражают свое возмущение (черт, упустили). К солдатам присоединяется коренастый человек с массивной челюстью (старый, лет 70), показывает на улетающего (взять его).

За летучей машиной героя летят машины солдат (вид спереди), позади погони мрачный футуристический мегаполис, далеко внизу под летунами – руины мегаполиса, разрушенного войной, вокруг то ли ночное небо, подернутое облаками, то ли открытый космос.

Солдаты подбивают машину героя, герой выпрыгивает, выпускает какое-то подобие парашюта (на воздушной подушке или еще как), парит, падает. Снова вид сверху – как падает герой, под ним далеко внизу панорама города... но города ли? Чуть позже становится ясно, что герой летит над осью времени, из будущего в прошлое. Чем дальше в про-

шлое движется герой, тем моложе он становится, морщины разглаживаются, волосы желтеют.

Парашют, поврежденный выстрелом, приходит в негодность, герой падает всё быстрее. Перед ним внизу стремительно приближается старинный городок, ратуша, башни, шпили, колокольни. Наконец, герой падает на мостовую, больно ударяется. Пытается встать, но из темноты вечера появляется экипаж, запряженный парой лошадей, лошади проносятся над героем, повозка проезжает, останавливается. Из экипажа выходит человек (виден только его черный силуэт на фоне осенних сумерек), идет к герою. Герой поднимает голову – теперь он совсем молодой, лет двадцати. Ехавший в экипаже подходит к нему, помогает подняться, смотрит в лицо – теперь видно лицо пассажира, это тот же человек, который приказывал схватить героя, – только помолодевший на 30 лет. Он ведет героя в экипаж, несмотря на робкие протесты молодого человека. Экипаж уезжает в ночь.

Уютный старинный дом, окно на верхнем этаже. В комнате за столом сидят хозяин (пассажир экипажа) и герой, хозяин разливает по бокалам вино. Молодой человек, судя по всему, отчаянно пытается вспомнить, кто он, и откуда, обшаривает карманы, вытаскивает футуристического вида оружие, не может понять, откуда оно взялось.

Наконец, первый герой спрашивает:

– Кто я? Что происходит?

– Да, друг мой, быстро же вы всё забыли... что же... думаю, эта штука поможет вам вспомнить...

Хозяин вынимает что-то вроде волшебного фонаря, ставит на стол – блики от фонаря очаровывают героя, он откидывается в кресле-кровати, засыпает.

Герой во сне видит себя в детстве, как он играет с другими мальчишками, подбирается к богатому дому, на подоконнике которого стоит волшебный фонарь, хватая фонарь (видно, на спор с другими мальчишками), убегает. За ним бежит второй герой (в те времена еще совсем молодой парень), погоня тянется по старинному городку, выше, выше, к вершине холма. На вершине холма мальчик останавливается, – что-то напугало его. Мы видим героя со спины, впереди него тянутся заграждения с предупреждающими знаками. За заграждениями далеко-далеко виднеется уже знакомый нам мегаполис, охваченный не то войной, не то какой-то тотальной катастрофой.

Парень просыпается в доме хозяина, смотрит на волшебный фонарь. Начинает вспоминать:

– Они остановили время...

– Да, власти приняли решение остановиться в этом веке, чтобы не допустить дальнейшей катастрофы.

– Мы проникали туда...

...чтобы сделать это время пригодным для жизни.

– Проникали снова и снова.

– Да. Снова и снова.

Хозяин подходит сзади к гостю, кладет руки ему на плечи:

– Друг мой... вы неоднократно проникали в будущее... я не смею просить вас об этом снова...

Гость уверенно поднимает голову:

– Я готов.

Хозяин жмет гостю руку.

– Не знаю, как вас благодарить за помощь...

Гость:

– Только... я не знаю, что делать.

– Прежде всего, мы должны найти человека, который устроил всё это... там... – хозяин квартиры показывает в окно, где далеко за городом начинается будущее.

– И где он может быть?

– Где угодно, друг мой... кстати... вы не запомнили, как он выглядел?

– Крупным планом – лицо хозяина дома, чтобы у зрителя не оставалось сомнений, что это и есть тот самый человек.

Гость отчаянно пытается вспомнить лицо, но не может.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.